

НАС НИЧТО НЕ СОБЬЕТ С ПУТИ

Журнал «Шпигель» (Der Spiegel), 19.10.1986

На саммите в Рейкьявике Михаил Горбачев удивил американцев своим революционным планом разоружения. Он же явил мировой прессе совершенно новый тип советского руководителя: открытого, точного в словах, подвижного. Американцы поняли, что вынуждены перейти к обороне – в общении с жестким и одновременно гибким, сердитым и дружелюбным, многоликим Горбачевым. «Если слишком близко смотреть собеседнику в глаза, перестаешь видеть все лицо», – размышлял он после двенадцатичасового диалога с Президентом США: он ведь сам тоже любит смотреть в глаза партнеру даже слишком пристально.

А когда перед ним целая аудитория, он в отличной форме: как у профессионального оратора, у него на руках все козыри для расположения к себе. Если бы Михаил Горбачев жил на Западе, он всегда, устав от нынешней работы, мог бы найти куда более высокооплачиваемую – например, в качестве телеведущего или конферансье на ТВ-шоу. Он – первый советский лидер со времен Хрущева, который может свободно говорить. И еще как. Нет больше той каменной маски сурового официоза московских партийных функционеров, которая, казалось, всегда свидетельствовала о достоинстве и незыблемости советской власти. Теперь это подвижное живое лицо, отражающее как самообладание, так и напряжение; как дружелюбие, так и жесткость. Движения его рук выражают сначала решительность, а затем готовность уступить; глаза улыбаются, а чуть позже излучают сдержаный гнев.

Мировая пресса была поражена, увидев советского лидера таким, каким его еще не видели никогда. Американцы недоуменно отметили: единственным правителем крупного современного государства, способным так легко и даже бравурно вести большую пресс-конференцию, единолично предоставлять слово каждому вопрошающему и давать четкие ответы – в

настоящее время является русский. По сравнению с ним и его ближайшими советниками – министром иностранных дел Шеварднадзе, послом в США Добрыниным и даже маршалом Ахромеевым (которого один из американских дипломатов назвал «чувствительным») – теперь американцы кажутся кондовыми и неповоротливыми, как и сам Советский Союз.

На глазах у мировых СМИ лидер советской империи одерживал победы одну за другой, используя репертуар поразительного диапазона. Сначала он говорил спокойно, почти безмятежно, с легким вибрато разочарования в голосе. Затем он вдруг повысил тон, заговорив о том, что Россия должна остаться твердой. Далее, дабы не упустить уже набранный темп, все присутствующие в зале получили привезенные из Германии наушники для перевода на английский, французский и немецкий. Нестандартно Горбачев дал понять и то, с какой легкостью он оппонирует Президенту США: «Это я пригласил Президента Рейгана. Сказал: ситуация такова, что мы должны оставить все дела на день-два и встретиться немедленно».

Он – ваша аудитория (его слова: «Я регулярно читаю мировую прессу»), и почти коллега: «Вы сами, представляющие все континенты нашей планеты, видите, как мир в целом кипит. Он бурлит!». Он похож на торговца, уже предложившего скидку: «Господин Президент, мы не можем понять, как Вы можете отказываться от своей собственной идеи “нулевого варианта”, которую Вы сами предложили и который мы сейчас представляем, чтобы удовлетворить Вас».

Михаил Горбачев многолик. Он умеет льстить: «Вы хорошо продумали свой вопрос, это делает вам честь», – отвечает он корреспонденту из ГДР. «Что мне всегда нравится в наших немецких друзьях, так это точность выражения, а следовательно, мысли». Он может и иронизировать: «Американская сторона хотела бы похоронить Договор по ПРО прямо здесь, в Рейкьявике, при участии Советского Союза и Горбачева». Меланхолично смотря вдаль («Я тоже когда-то занимался философией»), он размышляет: партнеры, «которые в значительной степени держат в своих руках судьбу всего мира», были «как

никогда близки к принятию решений величайшего исторического значения...». Он обаятелен, говоря, например, британской журналистке Хелле Пик: «Теперь мы предоставим слово женщинам, ведь их всегда отодвигали на второй план».

Ему также удается включить в переговорный процесс свое секретное оружие – жену: «Мы чувствовали себя здесь комфортно. Много интересного я узнал от Раисы Максимовны, у которой здесь тоже было много встреч». Она сидит в первом ряду среди журналистов, иногда касаясь глаз, будто в них что-то попало. Но очевидно, что она просто восхищается тем, как Генеральный секретарь превращает неудачную встречу с Президентом США в личную победу.

Он планомерно ведет к указанию на виноватого: «Президент до последнего настаивал на том, что Америка имеет право испытывать все, что касается СОИ, не только в лаборатории, но и за ее пределами, в том числе в космосе». После следует выпад: «Только сумасшедший мог согласиться на это. Но сумасшедшим место в психушках, а не во главе страны». И вот он сам цитирует Рейгана: «Почему же Вы так упрямитесь из-за одного слова?».

Этим самым словом была аббревиатура СОИ, нелепый план Рейгана сделать США неуязвимыми для ракет с помощью системы космической обороны стоимостью в триллион долларов, отодвинув тем самым Советский Союз на второе место.

К моменту окончания саммита в Рейкьявике не только советская пропаганда одержала победу над американской, но и лично Горбачев над Рейганом.

Михаил Сергеевич огорошил своего партнера почти . революционным предложением по разоружению: отказ от ракет средней дальности в Европе, сокращение стратегических ядерных вооружений обеих сторон на 50 процентов и обязательства о невыходе из Договора по противоракетной обороне в течение последующих десяти лет.

И именно американцы (а не русские), долго знавшие в качестве ответа лишь твердое «нет», упустили, возможно, величайший шанс не только

вернуться к переговорам по вооружениям после многих лет напряженности, но и впервые запустить непосредственно процесс разоружения. Но прежде чем мир успел по-настоящему осознать провал встречи после нескольких недель больших надежд, Горбачев продлил интригу другой сенсацией: он не хлопнул дверью, а мягко похвалил «большой прогресс, которого мы достигли здесь, в Исландии». Встреча «показала, что соглашения возможны, поэтому мы не должны сеять панику в мире раньше времени».

Он добился успеха не только в глазах западного общественного мнения, но и дома, в Москве. Советское ТВ транслировало уверенно проведенную пресс-конференцию в прямом эфире. В аэропорту его встречал Громыко, великий ветеран Политбюро, почти второй глава государства. Конечно, он был не рад той серии авансов, с помощью которых Горбачев уже полтора годаставил США в позицию обороны в диалоге о вооружениях между Западом и Востоком. Теперь же Громыко приподнял шляпу перед Генсеком, не снявшим своей, и поздравил его. Горбачев сделал лицо, показывающее, что он не отступил с американцами. «У этого человека улыбающиеся губы, но железные зубы», – сказал Громыко о Горбачеве, когда тот был избран лидером КПСС.

Не только его лицо и стиль, но и политические цели показывают, как сегодняшний кремлевский правитель кардинально отличается от прошлых. Этот Горбачев поставил перед собой задачу свергнуть диктатуру советской некомпетентной бюрократии, заинтересованной прежде всего в собственном обогащении. Он сам называет это «настоящей революцией», и, если сравнивать с тем, каким было государство Ленина, Сталина и даже Брежнева – да, его цели, безусловно, революционны.

Он хочет привести советскую экономику к современной методике и технологиям производства, а для этого ему нужен стимул, противостоящий всеобщему системному оппортунизму: он должен повысить уровень жизни и, следовательно, поставлять больше товаров народного потребления. **Он хочет привить всей стране незнакомые доселе добродетели, такие как желание**

работать и чувство ответственности, для чего он должен искоренить повсеместный патернализм и коррупцию. Он считает абсурдным контролировать всю национальную экономику из Центра: директора заводов должны сами определять поставки, зарплаты и цены и опираться на совет рабочих.

Он понимает, что ничего из этого не получится без общественного мнения, сетует на отсутствие «оппозиционных партий» в качестве корректора и проповедует «Гласность», публичность и прозрачность – журналисты призваны вскрывать злоупотребления в стране с помощью исследований и публичной полемики. Народ должен «знать, что происходит в стране», – заявил он на встрече с рабочими авиационного завода, выступая за «открытость и критику». Это звучало почти как призыв вернуть свободу прессы, что было признано главным приоритетом пражским реформатором Дубчеком в 1968 году. Горбачев говорит: «Сильнее общественного мнения ничего нет!».

В московской «Литературной газете» уже поднимался вопрос о том, почему на советских выборах всегда выдвигается только один кандидат. Не может ли быть реального выбора хотя бы между двумя? Горбачев, изучавший право, представил законодательный план на ближайшие пять лет. Один из новых законов предусматривает введение референдумов, другой – предоставление права голоса трудовым коллективам. Планируется принять 38 законодательных актов, касающихся малого бизнеса, прессы и даже службы государственной безопасности КГБ, не знавшей досель правовых ограничений.

То, что он имеет в виду, гораздо больше, чем ленинская «Новая экономическая политика» 1921-го года или хрущевская десталинизация 1956-го, которая будто упразднила сталинский ГУЛАГ, но саму систему оставила невредимой.

«Наш противник видит нас насквозь, наша ядерная мощь его не пугает», – размышлял Горбачев на встрече с писателями¹ Он не начнет войну. Его волнует другое: «если в нашей стране будет развиваться демократия, если мы добьемся успеха, вот тогда мы победим».

Горбачев – демократ? Еще не ясно, как он будет поступать с оппонентами... Еще менее ясно, удастся ли преодолеть сопротивление бюрократов, традиционалистов и бенефициаров режима, не остановит ли неподвижность духа и вялость аппарата динамичного человека на пике. Это еще одна причина, по которой Горбачев таки показал свои «железные зубы» в Рейкьявике: ему нужен успех любой ценой. Ведь однозначное поражение в Исландии вызвало бы бурю протестов со стороны его внутрипартийной оппозиции: **грандиозная попытка Генсека преобразовать закарствованное, отсталое общественное устройство в современное государство встречает противодействие со всех сторон.**

В неопубликованном выступлении перед писателями 19-го июня этого года он сам сообщил о «сопротивлении со всех сторон». Недавно он заметил: «Старики без борьбы не сдадутся». Он жаловался на людей, которые видят в его «процессе обновления – полное потрясение наших основ, почти отказ от наших принципов».

Недостаток Горбачева и одновременно его достоинство: да, эти люди правы. И у них есть не только идеологические причины для недовольства. Ведь Горбачев-реформатор прежде всего наложил обязательства на своих граждан – рабочие должны больше работать, крестьянам запрещено получать «нетрудовые доходы» от выгодной продажи своей частной продукции, чиновникам больше нельзя брать взятки, и все они могут купить бутылку водки только после многочасовой очереди (и по цене почти двухдневной зарплаты).

¹ Речь идет о встрече М.С. Горбачева с писателями-депутатами Верховного Совета СССР, участвовавшими в работе его 5-й сессии, и группой литераторов Москвы 19 июня 1986 г.

Ведущую плановую комиссию «Госплан» так просто не распустить, для них «нет власти, нет Генерального секретаря, нет Центрального Комитета», – вынужден был признать Горбачев. То есть, они «делают, что хотят». Он узнал, что там преобладают настроения, которые озвучивались в кабинетах во время перекуров: «Мы не можем так просто “перемалывать и перемалывать” старое руководство в его попытках реформ, затормаживая сопротивление. Мы должны придумать иной метод».

На февральском съезде партии² Горбачев привел пример метода сопротивления реформам: директор НПО «Ротор» в Черкассах Алим Чабанов добился самого главного – увеличения выпуска продукции – за счет отвлечения средств. Но начальство приспало к нему домой милицию, а обращение партийной ячейки предприятия к съезду партии с просьбой спасти честь директора было перехвачено КГБ. Тем не менее, Горбачев узнал об этом и встал на защиту директора. Но местная партийная организация возбудила дело и после съезда партии – воля Генсека была проигнорирована.

Вопреки сопротивлению аппарата, лидер партии обращается к народу – впервые Генеральный секретарь ЦК КПСС обращается к прохожим на улице. «Вы требуете правды, – сказал ему один из рабочих, – а от вас хотят избавиться, вот как!». Горбачев гневно ему ответил: «Ничто нас не сбьет с пути!». Советское телевидение транслировало эту сцену. Но в последнее время в советской прессе появлялись только фотографии общения Горбачева с народом, на лицах которого были написаны несогласие и плохое настроение. Это может означать, что СМИ более не на стороне лидера партии.

У него еще нет твердого большинства верных сторонников в высшем руководстве, в Политбюро из двенадцати человек, где, как он сам признался, «есть споры и разногласия». Половина его членов – это бывшие руководители оборонных предприятий, которые, естественно, мало заинтересованы в разоружении. Имея их в виду, Горбачев, вопреки всей

²XXVII съезд КПСС состоялся 26 февраля – 6 марта 1986 г.

логике реформ, включил в свою «программу ускорения экономики» меры поддержки производства вооружений. Ради них же он уверяет нас, что ни один советский гражданин не просил у него масла вместо пушек. Горбачев – ястреб.

Мастерство политика, которому приходится учитывать и внутреннее сопротивление, позволяет Горбачеву менять обличья. К этому вынуждает не столько двойственность чувств в народе, сколько новый плюрализм в советском обществе: теперь ему приходится по-разному реагировать на разные интересы разных групп. Несмотря на высокие цели, в стране пока мало что изменилось: прежде всего, централизованное планирование экономики еще не свернуто, как в Китае, власть аппарата не сломлена. Пока, говорят москвичи, Генеральный секретарь только произносит речи.

Его внешняя политика пока остается единственным двигателем для изменения бедственного положения внутри СССР: контроль над вооружениями и договоренность с Вашингтоном могли бы открыть возможность перенаправления инвестиций в производство товаров народного потребления, получения кредитов и технических ноу-хау с Запада, для модернизации страны и завоевания доверия народа. Для проведения «разоруженческого» наступления Горбачев заменил бывшего министра иностранных дел Громыко на своего друга из Грузии Эдуарда Шеварднадзе, который оказался таким же умелым и ловким по отношению к своему американскому коллеге Джорджу Шульцу, каким был Горбачев с Рейганом.

Но 77-летнего Громыко все же оставили в Политбюро, самым молодым членом которого по-прежнему является Горбачев. После Женевского саммита с Рейганом в ноябре прошлого года вечно недоверчивый Громыко критиковал тот факт, что из него [саммита] ничего не вышло и что отношения между двумя державами по-прежнему «на низшем уровне». Для согласованной следующей встречи на высшем уровне в Вашингтоне Политбюро поставило Горбачеву условие: результат должен быть определен заранее, а лучшим местом для встречи (как Горбачев уже предлагал в своем выступлении по

телевидению по поводу Чернобыля 14-го мая), стала бы Хиросима, место американского позора. Довольно провокационное предложение.

В середине августа военная газета «Красная звезда» заявила, что шансов на заключение крупного соглашения по вооружениям с США «нет». На переговорах по разоружению в Женеве советские представители не стали добиваться ранее предложенного Горбачевым 50-процентного сокращения ракет, а ограничились лишь разговорами о 30-процентном сокращении. Их коллеги на переговорах в Стокгольме³ настаивали на объявлении маневров только, как минимум, с 13000 участников, а не с 6000, как того хотел Запад.

Через три дня после отъезда Горбачева в летний отпуск советский дипломат Геннадий Захаров был арестован в Вашингтоне [*так в оригинале, на самом деле – в Нью-Йорке*] по подозрению в шпионаже, и глава КГБ Чебриков дал «достойный» ответ. Генерал армии, некогда один из ближайших друзей Брежнева, на съезде партии поклялся в «непримиримости ко всем врагам Советского Союза». Жертвой его контрмер стал не кто иной, как американский корреспондент Николас Данилофф, которому Раиса Горбачева в ходе майских торжеств на Красной площади сказала, что они с мужем придерживаются своих планов по поездке в Америку. Перед прохожими в Краснодаре отдыхавший там Горбачев провел показательную аналогию. Он вспомнил «инцидент с Пауэрсом», который был устроен, «чтобы предотвратить наметившееся потепление советско-американских отношений».

В 1960-м году над Свердловском был сбит американский самолет-шпион U-2. Пилота Пауэрса арестовали. Тогда Политбюро заявило, что Хрущев, выступавший за мирное сосуществование, должен потребовать извинений на саммите в Париже, согласованном с Президентом США Эйзенхауэром. Когда этого не произошло, как ожидалось, Хрущев уехал без переговоров. Хотел ли Горбачев использовать это сравнение, чтобы показать,

³ Конференция в Стокгольме по мерам безопасности и укрепления доверия по разоружению в Европе

что он осознает риск, которому он подвергает свой собственный план встречи на высшем уровне? Однако находясь в отпуске, Горбачев отправил необычно резкий текст в пражскую газету: «Дверь перед Америкой еще не захлопнулась, но со времени Женевы в 1985-м году две державы не сблизились ни на миллиметр». Принцип «все или ничего», конечно, не годится, но встреча «ни о чем» – тоже бессмысленна.

Политбюро собралось в Москве 18-го сентября⁴. Вероятно, был достигнут компромисс: обменять Данилоффа на Захарова и позволить Горбачеву встретиться с Президентом США – но не в Америке. И только для небольшого саммита, с которого можно было бы уйти, ничего не добившись, если бы американский Президент не уступил. Как это уже однажды продемонстрировал Хрущев в Париже.

По всей видимости, Горбачеву было поручено заставить Рейгана отказаться от СОИ на этот раз – в отличие от Женевы одиннадцатью месяцами ранее, где в коммюнике не было ни слова об одержимости Рейгана, а были только взаимные усилия по предотвращению «гонки вооружений в космосе» и отказ от военного превосходства.

Но ведь СОИ именно это и означает. Те, кто способен защитить себя от второго удара вражеских ракет, могут безнаказанно нанести и первый удар, тем самым отменив ядерное сдерживание века. Американцы же утверждают: как только все ракеты будут разобраны, первый удар станет более невозможен. Но зачем тогда эта СОИ? «Против сумасшедшего», – утверждал Рейган, – и против обмана, с другой стороны, как “страховой полис”».

Однако у СССР – и только у СССР – уже есть часть СОИ: единственная действующая противоспутниковая и единственная противоракетная система (вокруг Москвы), хотя она и не считается очень эффективной. Четверть века назад тогдашний главный стратег маршал Соколовский уже разработал программу уничтожения «100 процентов» всех вражеских ракет,

⁴ Дата указана неправильно. Возможно, имеется в виду 22 сентября, когда М.С. Горбачев провел совещание с членами Политбюро ЦК КПСС и помощниками.

приближающихся к Советскому Союзу. Именно так трактовал Договор по ПРО и министр обороны маршал Гречко сразу после его подписания в 1972-м году: он означал «полное отсутствие ограничений на проведение научно-исследовательских и экспериментальных работ, направленных на решение проблемы защиты страны от ядерного нападения».

То, что Горбачев увязал свое предложение о разоружении с отказом от СОИ, стало полной неожиданностью для американцев в Рейкьявике – последствия для команды переговорщиков из США были катастрофическими. «ЦК – это более жесткая школа, чем студия Warner [колкий намек на актерское прошлое Президента Рейгана]», – писала парижская газета *«Libération»*. Советники Рейгана подсказали своему Президенту, что главное в Рейкьявике – договориться о дате настоящего саммита в Вашингтоне; главное – хороший личный контакт, как это было раньше в Женеве. И Рейган знал, как это сделать.

Однако в итоге советский лидер набросился на него с целым пакетом вопросов и предложений, которые он привез с собой в письменном виде, ранее сымпровизировав их в Женеве. После первого разговора тет-а-тет между двумя лидерами советникам Рейгана пришлось в спешном порядке разрабатывать новые позиции для своего Президента. Это продолжалось даже до утра воскресенья. Но когда Горбачев положил на стол максимальное требование Москвы, «господин Рейган просто не был готов обсуждать его в деталях или даже представить приемлемые компромиссные предложения», – объяснил *«Шпигелю»* неудачу Америки высокопоставленный американский чиновник. Поэтому он [Рейган] упрямо придерживался своего тезиса о том, что СОИ нужна США и всему человечеству.

Однако затем Горбачев заявил: «Мы не боимся СОИ». Будет «асимметричный» ответ, «и нам не придется идти на большие жертвы». На самом деле это может быть просто увеличение числа советских ракет, чтобы хотя бы некоторые из них прорвались сквозь ядерный зонтик США. Но тогда СССР не смог бы сократить свои запасы вдвое, как предлагалось, а, наоборот,

вынужден был бы резко увеличить их. Гонка вооружений поглотила бы новые миллиарды, которых не хватало реформатору Горбачеву.

Поэтому Михаил Горбачев, как дипломат, составил свой пакет требований: сокращение вооружений только при условии отмены СОИ. До этого момента о такой связке не было и речи. В своем «пражском обращении» из отпуска Горбачев по-прежнему считал успешный саммит возможным, если «будут решены хотя бы одна или две проблемы в области международной безопасности». Теперь же он вдруг последовал ранее отрицавшемуся принципу «все или ничего», напоминающему русскую рулетку. **И все же два мировых лидера за два дня добились в области разоружения большего, чем все их эксперты за почти четыре года переговоров.** Москва хотела сократить фалангу из 441 ракеты SS-20, гордости советского генералитета – до 33-х; в обмен на это «Першинги» должны были исчезнуть из Баден-Вюртемберга.

Однако ни одна из уступок Кремля не вступила в силу, потому что он потребовал в качестве цены за это полный отказ от СОИ. Рейган всегда заявлял, что его программа мечты не подлежит обсуждению. Поскольку об этом было известно заранее, американцы почувствовали, что попали в ловушку. Почти беспомощный, Рейган снова выдвинул свою нереальную идею: когда-нибудь разделить с Москвой контракт на исследования по СОИ. Но Советы не могли отнестись к этому серьезно, поскольку правительство США запретило экспорт в СССР компьютеров или нефтяного бура как технологий, пригодных для использования в военных целях.

Рейган предложил продлить срок действия Договора по ПРО, – который сегодня может быть расторгнут в любой момент, – на десять лет, если к тому времени исчезнут оставшиеся 50 процентов стратегических вооружений. По словам Горбачева, он сам предложил это, но хотел большего «укрепления», то есть, улучшения Договора. По мнению Рейгана, таким образом он отверг «самое далеко идущее предложение по контролю над вооружениями в истории».

Горбачев лишь на поздней стадии заявил, что условием договоренностей является включение в пакет всех трех видов вооружений (СНВ, РСМД и ПРО). В воскресенье днем его советник-американист Арбатов и физик Велихов прервали молчание сообщением о «прорыве», и «историческом предложении огромного масштаба»: о «большом сокращении» вооружений большой и средней дальности. Но ни слова о СОИ. Теперь, ликовал Велихов, «Рейган может войти в историю как Президент мира». Чтобы объяснить, почему прорыв может быть принят или отвергнут только в сочетании с отказом от СОИ, Горбачев просто сказал журналистам: «Вы сами догадаетесь, почему».

Оба, вероятно, думали о сомневающихся, каждый – в своем собственном лагере. После компромисса по делу Данилоффа Рейган не стал уступать, чтобы продемонстрировать своим правым сторонникам, для которых он уже считался «улучшенной версией Картера», что он не будет первым, кто снова уступит. Согласно опросам общественного мнения, 72 % его соотечественников благодарили его за упрямство.

Однако ремарка Горбачева о том, что у Рейгана «не было полномочий» на достижение соглашения, относится скорее к самому советскому лидеру. Есть также опрос общественного мнения, проведенный в Москве за неделю до Рейкьявика. Газета «Советская Россия» поговорила с 1500-ми респондентами, можно ли достичь разоружения к 2001-м году. 56,4 % ответили «да». 43,6 % посчитали это невозможным, особенно интеллигенция и студенты.

Горбачев показал им и большинству членов Политбюро, что возможно (ограничение вооружений) и что невозможно без лишних слов: лишить Америку технологического превосходства. Чтобы у московских военных не оставалось сомнений в этом, Горбачев, как тактик, взял с собой начальника Генерального штаба Сергея Ахромеева, как Хрущев в 1960-м году – маршала Малиновского...

Однако через четыре дня после своего назначения [начальником Генштаба] в 1984-м году Ахромеев заявил, что переговоры с Америкой могут состояться только после того, как все «Першинги-2» будут демонтированы –

в истинно громыковском стиле. Незадолго до Рейкьявика он заявил, что горбачевский мораторий на ядерные испытания – о котором в Рейкьявике тогда почти не говорили – наносит СССР «откровенный ущерб». В Исландии ему пришлось самому вести переговоры с американцами, чего он никогда раньше не делал. Горбачев назначил его советским представителем в рабочей группе по «ограничению вооружений» вместо главного женевского переговорщика Виктора Карпова. Его американским партнером стал гражданский Пол Нитце.

Советскому маршалу, который даже показался американцам «обаятельным», помогали три советских гражданских лица: Арбатов, Велихов и бывший советский посол в ФРГ Фалин.

В ночь между двумя днями саммита они вели переговоры по «звездным воинам» в течение 10 часов 20 минут до половины шестого утра. Если кто-то начинал произносить длинную речь, Ахромеев останавливал его, чтобы перейти к сути. Результатом стала договоренность о значительном ограничении вооружений по трем направлениям, которая сейчас, правда, утратила силу, но в ней был уверен представитель советских вооруженных сил Ахромеев.

В понедельник, когда Горбачев и его советники еще ехали в Москву, казалось, что рейкьявикский пакет предложений на глазах рассыпается. Завершение переговоров по разоружению возможно и отдельно от решения по СОИ, заявил в Бонне специальный представитель Москвы по разоружению Борис Ломейко: «Встреча в Рейкьявике не прошла даром». Возможен отдельный «нулевой вариант» по ракетам средней дальности в Европе. Об этом же говорил в Лондоне и Бонне эксперт по разоружению Карпов – нечто подобное можно если не подписать, то хотя бы согласовать независимо от СОИ.

Из Москвы это прозвучало иначе. Официальный представитель МИДа Геннадий Герасимов четко придерживался формулы «никакой сделки без вручения призов по СОИ». После этого Карпов отказался от своих слов, но

уже обозначил возможный компромисс: «лабораторные» испытания СОИ не обязательно означают, что они разрешены только в помещении – просто «не в космосе».

Во вторник Политбюро одобрило «активность» Горбачева в Рейкьявике и раскритиковало «упрямое нежелание» Рейгана,⁵ но: «Было бы катастрофой оставить неиспользованными исторические возможности для радикального решения проблем войны и мира». Вечером Горбачев, получив подтверждение, вновь выступил по Советскому телевидению. СОИ он возмущенно назвал «откровенным трюком», ставящим под угрозу паритет между державами. Однако он добавил: «Если мы не хлопаем дверью сейчас, то делаем это лишь потому, что убеждены в необходимости новых начинаний».

Рейкьявик был «полезным», «значительным событием»: «Никто не сможет действовать так, как раньше». Это может означать, что Горбачев – как и Рейган – не сможет в следующий раз выдвинуть максимальное требование. **Михаил Горбачев заканчивает выступление: «Я оптимист». Возможно, ему следует поверить.**

⁵ Имеется в виду заседание Политбюро ЦК КПСС, состоявшееся 14 октября 1986 г.